

Виктория Кузнецова

Стежок во тьме

Виктория Кузнецова

Стежок во тьме

«Автор»

2026

Кузнецова В. В.

Стежок во тьме / В. В. Кузнецова — «Автор», 2026

Алиса — самая обычная швея из XXI века: уютная квартира, любимые заказы, планы на выходные. Но однажды она просыпается в грязи и вони, в мире без электричества, антибиотиков и полиции. Вокруг — Франция XVII века: жестокая, голодная и совершенно чуждая. Она не знает языка, не помнит дат из школьного учебника, не обладает никакими суперспособностями. Она не избранная, не попаданка с миссией — просто перепуганная женщина, которую могут сжечь за косой взгляд или сгноить в канаве за кусок хлеба. Её единственное богатство — швейный навык, блокнот и отчаянное желание жить. День за днём, стежок за стежком она учится быть незаметной, понимать чужие интонации, прятать страх и выводить правила выживания, записывая их в дневник. Потому что здесь ошибаются только один раз. И история — это не романтика, а кровь, грязь и ежеминутный выбор между собственной жизнью и человечностью.

© Кузнецова В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

День 1.	5
День 2.	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Стежок во тьме

*Ткань мироздания рвётся всегда
не по шву.*

*И зашивать её приходится тем,
у кого в руках только игла
обычной швеи,*

а не золотые нити героев

- Из забытых записок неизвестной

День 1.

Число неизвестно. Место: предположительно, Франция. Год: черт его знает.

Я не знаю, зачем это пишу. Может, чтобы не сойти с ума. Может, по привычке. Дома я вечно строчила в заметках телефона списки продуктов и рецепты. Теперь у меня нет ни телефона, ни дома. Есть только этот блокнот, ручка на последнем издыхании и дикий, животный ужас, который скручивает желудок.

Меня зовут Алиса. Мне 34. Я швея. В своем 21 веке я шила на заказ платья и неплохо зарабатывала. Я знаю, как раскроить «солнце», посадить рукав и обработать оверлоком край. Я не знаю, как выжить в мире, где воняет так, что меня выворачивает наизнанку каждые полчаса. Тут даже воздух тяжелый, пропитанный кислотой, навозом и еще чем-то сладковато-гнилостным.

Сначала я думала — это розыгрыш. Просыпаюсь не в своей постели, а на какой-то куче прелой соломы, от которой чешется всё тело. Вокруг не моя квартира-студия с белыми стенами, а серый, грубо сколоченный угол. Стены из камня и дерева. Крысы. Я слышала, как они скребутся. Я заорала, и тут же кто-то замычал рядом. Лысый мужик в каком-то рваном мешке вместо одежды. Он посмотрел на меня мутными глазами, пробормотал что-то на жуткой смеси французского с какой-то кашей — я не поняла ни слова. Я учила французский в школе? Нет, это было сто лет назад. «Бонжур» и «мерси». Всё. Остальное забыто.

Это не розыгрыш. У того мужика не было половины зубов, а оставшиеся гнилые. Так не играют. И запах настоящий, слишком настоящий. Костюм, конечно, я бы сшила лучше, промелькнуло в голове. Дурацкая мысль.

Я сбежала отсюда. Просто пошла, пока не упала в какой-то канаве у леса. Ноги стерты в кровь. Обувь? Это не обувь. Дома у меня была полка с тридцатью парами. Тут — куски какой-то деревянной подошвы и ремни. Как в музее. Я помню картинки из учебника истории. Крестьянство. Франция. Абсолютная монархия. Мушкетеры, черт бы их побрал. Не было там ничего про то, как воняет изо рта у людей и как хрустит грязь на зубах.

Мне страшно. Очень. Я все время плачу. Ребра болят — я упала, когда бежала через лес. Голодная. Я нашла какие-то ягоды, но побоялась есть. Вдруг ядовитые? Я сидела под кустом и тупо пыталась вспомнить хоть что-то из истории. 17 век? Вроде бы одежда похожа. Или начало 18-го? Не помню. Учебник был скучный, я по нему самолетики пускала. Помню только королей-людовиков, которые строили Версаль, и что носили парики. Тут вроде никто не носит парики. Или я просто не там смотрела.

Главное, я поняла: здесь нет полиции, куда можно позвонить. Нет больницы. Нет «скорой помощи». Если я сломаю ногу — я умру в этой канаве. Если на меня нападут — никто не придет. Женщина одна — это просто вещь. У меня нет прав. У меня нет денег. У меня нет ничего, кроме моего блокнота и швейного навыка, который бесполезен, пока на мне вонючие лохмотья.

Я весь день просидела в этом овраге. Просто смотрела, как мимо по дороге проезжают телеги. Лошади огромные, страшные. Люди все в сером, коричневом. Грязные. Ни одной яркой тряпки. Мои белые волосы выбиваются из-под капюшона — я сорвала этот капюшон с чьего-то забора, — и я чувствую, что они сияют как маяк в этой грязи. Надо испачкаться. Надо стать незаметной.

Уже темнеет. Я нашла какое-то дупло в земле. Это не нора, а скорее яма, прикрытая корнями. Там мокро, но не дует. Я забила туда, как крыса. От меня самой уже воняет так же, как от них. Я пыталась оттереть руки слюной, но толку нет.

Мои наблюдения за сегодня:

1. Я не понимаю их речь. Вообще. Слова проглатываются, окончания не договариваются. «Je ne sais pas» звучит как «шнэпа». Беда.

2. Они все на меня пялятся, потому что я другая. Даже походка. Я иду быстро, размахивая руками. Тут все двигаются как-то валко, экономно. Надо учиться ходить как они.

3. Женщины все с покрытой головой. Я без платка. Это почти как голая идти. Завтра раздобуду тряпку на голову любой ценой.

Правило 1 (или 0, я пока путаюсь, пусть будет 0): *Стань незаметной. Не привлекай взгляд. Если ты не можешь быть местной, стань тенью. Тень не грабят и не насилюют, потому что ее не видят.*

Я замерзаю. Этот капюшон не греет. Если я не найду нормальную одежду и еду, я сдохну через пару дней. Я не для того сюда попала (как?! зачем?!), чтобы просто сдохнуть в яме.

Надо думать про шитье. Это единственное, что я умею. Ткачество, наверное. Прялки. Шерсть. Если я найду, у кого есть овцы, может, меня возьмут прясть? Я видела в музее прялки. Веретено. У меня хорошая моторика рук. Я быстро учусь.

Господи, пусть завтра будет лучше. Пусть я найду хотя бы корку хлеба. И воду. Очень пить хочется.

Конец 1-го дня.

День 2.

Число неизвестно. Второй день после пробуждения. Место: всё ещё Франция, наверное. Я жива. Уже победа.

Утром я выползла из своей ямы, как полураздавленный червяк. Всё тело ломило. Холод пробрал до костей, я думала, что не смогу разогнуть спину. Первой мыслью было: вода. Горло пересохло так, словно я жевала песок. У меня нет фляги, нет кружки. Я даже рук нормально помыть не могу.

Пошла на звук. В лесу журчало. Я продиралась через какие-то колючки, цеплялась лохмотьями за ветки. Потом плевала на то, чтобы сохранить «одежду». Она уже не одежда, а экспонат для музея катастроф. Нашла ручей. Встала на колени и пила прямо из него, как собака. Вода ледяная, пахнет тиной, но вкусная. Никакой хлорки, только земля и холод. Напилась до рези в животе. Потом меня вырвало. Организм, привыкший к фильтрованной воде из-под крана, взбунтовался. Ничего, утёрлась и снова попила. Жить захочешь — не так раскорячишься.

Еда. Еды нет. Ягоды я вчера видела, но до сих пор не знаю, можно ли их есть. В животе урчит так, что, кажется, слышно в Париже. Если тут есть Париж. Я смотрела на какие-то коренья, на траву. Пожевала травинку — горько. Вспомнила, как бабушка говорила, что в войну ели крапиву. Но где здесь крапива, я не знаю. И как её готовить — тоже. Может, просто набрать листьев и сварить? У меня нет котелка. Нет огня. Добыть огонь трением? Я не Робинзон Крузо, я портниха, которая в поход ходила последний раз в школе! У меня даже спичек нет.

Я решила идти обратно к тому поселению. Страшно до дрожи, но там есть люди. А где люди, там еда. Хоть какие-то объедки, помои. Не брезговать — вот новый девиз. Пока шла вдоль леса, увидела поле. Там работали женщины. Сгорбленные фигуры в сером, дергали что-то из земли. Лён? Или сорняки? Я спряталась за деревом и стала смотреть. Это как в театре, только страшном.

Они все в длинных юбках, толстых чулках, на головах чепцы или косынки, завязанные под подбородком. Никаких платков, элегантно наброшенных, как у наших модниц. Просто мешок на голове, зато не видно волос. Я опять ощутила себя голой. Мои светлые патлы торчат, как флаг. Они двигаются синхронно: наклон, дерг, распрямиться, бросить в корзину. Песни не поют. Только слышно иногда резкое «Ану!» от какой-то грузной тетки. Наверное, староста.

И тут меня заметили. Одна, совсем молоденькая, лет 16 на вид, подняла голову и уставилась прямо на меня. У неё лицо в оспе или в каких-то болячках. Глаза тусклые. Она ничего не закричала, просто смотрела, приоткрыв рот. Я медленно попятилась. Потом резко присела и зашуршала кустами прочь. Ветка хлестнула по щеке, до крови. Плевать. Главное — ушла.

Отдышалась уже далеко. Сердце колотилось. Но я поняла кое-что важное: они все покрывают голову. И они все в передниках. Грубых, холщовых, но передниках. Это моя тема. Передник! Я могу сшить передник. Но у меня ничего нет. Ножницы, иглы, нитки — вся моя жизнь осталась в швейной мастерской с кондиционером. У меня даже булавки нет.

Я опять вспоминала историю. Что там было в 17 веке? Мануфактуры. Кольбер. Людовик XIV, кажется. Он любил роскошь. Но это для богатых. А тут крестьяне. Они сами прядут, сами ткут. Сословия. Дворяне, духовенство, третье сословие. Я — никто. Даже не крестьянка, потому что у меня нет общины. Без документов, без причастия — бродяжка. Бродяг вешают? Или отправляют на галеры? От мыслей опять стало тошно.

Ближе к вечеру я снова зашла на окраину того села (или городка? не пойму, церкви не видела). Стояла у покосившегося забора. Смотрела, как гонят козу. Запах ударил в нос — привыкаю. Из одного домика вышла женщина с ведром, выплеснула помои прямо на дорогу. Я чуть не бросилась туда, надеясь найти очистки картошки. Но там уже рылась тощая кошка и какой-то мальчишка. Конкуренция. Мальчишка был босой, в длинной рубахе до колен. Он посмотрел

на меня, что-то крикнул и убежал. Наверное, за взрослыми. Пришлось опять бежать. Ненавижу бегать.

Но! Проходя мимо огорода, я увидела на кусте шерсть — клочок овечьей шерсти, зацепился за сучок. И рядом, на траве, валялась старая, рваная тряпица, явно выброшенная. Грязная, в засохшей грязи, но это ткань. Я схватила её и унеслась обратно в лес, в свою нору.

Это оказался кусок грубого льна, местами подгнивший, с дырой посередине. Зато большой. Я оторвала зубами полосу (да, зубами, ткань слабая), сделала подобие косынки и наконец-то повязала голову. Сразу стало спокойнее. Меньше меня видно в этих волосах. Остатки тряпки я обмотала вокруг ступней. Мои «ботинки» натёрли кровавые мозоли, теперь хоть какая-то прослойка.

Сиюю сейчас в яме, пытаюсь думать. Я не поем сегодня. В животе уже не урчит, а ноет. Завтра надо выходить из леса и искать работу. Просто идти в деревню и знаками проситься пряхь. У меня ловкие пальцы. Веретено — я видела его в музее, палка с утяжелением. Смогу? Должна. Если я не приду к людям и не начну взаимодействовать, я умру с голоду. Мой страх быть пойманной и непонятой должен отступить перед страхом смерти. Смерть пока проигрывает.

Наблюдения:

1. Местные боятся чужаков, но не нападают сразу. Пялятся. Надо выглядеть полезной, а не опасной. Или очень жалкой. Жалкой у меня получается отлично.

2. Тряпка на голове сработала как шапка-невидимка. Продолжаем маскировку.

3. Они говорят очень громко и отрывисто. Я слышала слова, похожие на «пэн» (хлеб) и «о» (вода) — «de l'eau». Мозг цепляется за знакомые звуки. Надо слушать и запоминать.

Правило 1: *Не беги за подачкой, пока не знаешь, что рядом. Мальчишка мог привести мужчин с вилами. Жди, наблюдай и бери только то, что плохо лежит и что никто не охраняет. Жадность убьёт быстрее голода.*

Завтра попробую войти в деревню. Страшно. Если не напишу завтра вечером — значит, меня либо убили, либо я в остроге, либо, что хуже всего, на костре. Хотя за что меня жечь, я даже не колдунья. Просто дура из будущего.

Конец 2-го дня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.